

ГЕРМОГЕН

Русские люди всегда охотно прислушивались к мнению духовных отцов. Народ не мог им не верить: кто, как не они, укажет истинный путь, сообразуясь с божественной волей? Во время Смуты слова святителей были особенно важны. Народ чувствовал себя осиротевшим. Как жить дальше? Кому верить? И вот в бурное лихолетье громко прозвучал голос патриарха Гермогена.

Гермоген стал патриархом в 75 лет. По тогдашним понятиям, он был глубоким стариком. Ровесник Ивана Грозного, он пережил четырех царей. На патриаршем посту он сменил Иова, которого грубо лишили сана и опозорили бояре в дни свержения Годуновых — его всенародно проклинали в Успенском соборе и заточили в темницу.

Гермоген был упрям, жесток и несгибаем. Его сурового нрава и непреклонного характера боялись все, даже цари. Говорили, что молодость он провел среди вольного донского казачества и на всю жизнь сохранил свободолюбивый дух. В 60 лет Гермоген стал Казанским митрополитом. Усердно и фанатично он насаждал христианство в Казанском крае, где жили татары-мусульмане. Борис Годунов надолго задержал Гермогена в Казани. Скорее всего, он побаивался резкого митрополита и потому помешал ему участвовать в избрании царя. Когда в Москве воцарился самозванец Дмитрий I и вступил в брак с католичкой Мариной Мнишек, один только Гермоген не побоялся его осудить.

На патриарший престол Гермоген вступил при Василии Шуйском. Власть нового царя была слишком зыбкой и непрочной, и потому он особенно надеялся на церковь. Шуйский нисколько не сомневался, что Гермоген поддержит его в борьбе с самозванцем, и тот действительно гневно обличал лжецаря и проклинал мятежников.

Когда бояре-заговорщики решили свергнуть Василия Шуйского, они больше всего опасались, что им помешает Гермоген. А потом повторилась та же история, что и с прежним патриархом: мятежники ворвались в патриарший дом, и Гермогену пришлось претерпеть те же унижения, что и Иову.

Утвердилась власть Семибоярщины, и москвичи целовали крест польскому королевичу, надеясь на прекращение войны и смуты: поляки пообещали обеспечить мир в России при условии, что на московский трон сядет польский королевич Владислав. Сами же они оставят захваченные русские города и отступят от Смоленска. И опять Гермоген поднял голос против иноземцев-католиков. Между тем долгожданный мир все не наступал. Польские войска продолжали грабить и жечь русские деревни и села. Боярское правительство не дало измученной стране надежной и крепкой власти, и народ окончательно от него отвернулся. Обстановка в Москве накалялась все больше. Простой люд волновался у стен Кремля и грозил боярам расправой. Москвичам стало известно, что польский король Сигизмунд III и сам не прочь занять русский трон. В Москве было готово вспыхнуть новое восстание. Когда польский полковник начал осматривать в Кремле места, приготовленные для его солдат, москвичи ударили в набат, вооружились, чем попало и пошли на Кремль. На этот раз полякам войти туда не удалось.

Гермоген негодовал: поляки не выполнили своего обещания взять в плен Лжедмитрия II. Но бояре сначала успокоили его лживыми обещаниями, а потом сурово прикрикнули, что незачем-де ему, патриарху, вмешиваться в мирские дела. Не бывало еще такого, чтобы «попы вершили дела государства!»

И в самом деле, во времена междоусобий и войн многие духовные отцы предпочитали оставаться в стороне от мирских забот и борьбы. Но не таков был Гермоген! Он не уставал говорить об иноземной опасности и всеми силами пытался не допустить, чтобы польские войска вошли в Кремль.

...Под покровом ночи, по-воровски, со свернутыми знаменами и без барабанного боя польские войска все-таки вошли в Москву: их впустили бояре. За это предательство русскому народу пришлось заплатить самой дорогой ценой - своей кровью. Поляки тут же забыли все свои обещания. Они отказались вернуть захваченные земли и потребовали, чтобы Смоленск сдался. Сигизмунд III приказал штурмовать его, Семибоярщина отдала приказ о сдаче Смоленска полякам. Гермоген был возмущен. Решение бояр ошеломило и разгневало и его, и патриотов москвичей. Бояре попытались заставить Гермогена замолчать, грозили ему расправой, но патриарх остался непреклонен. Поняв, что Гермогена не удастся ни сломить, ни перетянуть на свою сторону, бояре решили, что пора, наконец, с ним расправиться. Ему предъявили ложное обвинение: будто бы он вел тайную переписку с «вором» - самозванцем. Над патриархом учинили суровый суд «за государственную измену». Суд постановил распустить всех патриарших слуг: дворецкого, казначея и других проверенных, надежных, преданных Гермогену людей. Он остался в окружении польских наемников и соглядатаев, следивших за каждым его шагом. Такого злостного и унижительного вмешательства в дела церкви не было со времен опричнины.

Между тем москвичи готовились к восстанию. По столице распространилось воззвание «Новая повесть о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках». В нем говорилось: «Из державцев земли бояре стали ее губителями, променяли свое государское приращение на худое рабское служение врагу; совсем наши благородные оглупели, а вас всех выдали».

А бояре приспешники поляков по-прежнему требовали от Гермогена, чтобы он благословил православных на присягу польскому королю-католику. Патриарх отказывался и не давал себя запугать. Поляки продолжали бесчинствовать и вмешиваться в московские дела. Издеваясь над православной верой, они резали на портянки одежды русских священнослужителей. То и дело придумывали они поводы, чтобы обвинить Гермогена и изгнать его из Кремля. Фактически его держали под домашним арестом, причем как раз там, где некогда жил задушенный опричниками Федор Колычев. Каких только грехов не приписывали Гермогену! И в заговорах-то он состоял, и «смутные грамоты» писал, и с самозванцем в сговоре был! Но мужественного патриарха не так-то легко было сломить.

Москва бурлила. Казалось, даже воздух сгустился над городом от вражды и ненависти. На улицах людей часто избивали до смерти. Польские наемники вели себя в столице как полновластные хозяева, однако побаивались народного гнева и перетасили в Кремль пушки и запасы пороха. Весь московский посад был у них под прицелом. По улицам столицы ходили польские патрули. Жители Москвы не выходили из дома с наступлением темноты. Но москвичи не упускали случая отомстить: заманивали солдат в тесные переулки и там нещадно избивали, а пьяных топили в реке. В захваченном городе, похожем на военный лагерь, поляки не чувствовали себя в безопасности.

Тем временем приближалась весна, а вместе с нею и Пасха. В 1611 году

она пришлась на 17 марта. На время великого праздника Гермогена выпустили на свободу. Он, как обычно, выехал из Кремля в торжественной процессии. Бояре расстилали перед ним ковер, следом ехали в санях мальчики, распевавшие псалмы. Москвичи поздравляли друг друга с праздником и христосовались, как заведено, но всем было не до веселья.

А через три дня вспыхнуло восстание. Со всех концов к Москве стекалось земское ополчение и оружие. Стража на городских заставах обыскивала все повозки и телеги. Отбирали даже топоры и ножи. Смертные казни ежедневно уносили десятки людей. Потасовка в Китай-городе переросла в страшную резню: вся площадь и прилегающие улицы были завалены трупами. Москвичи брались за оружие, на улицах вырастали завалы из бревен и камней, посреди улиц стояли пушки. За два-три дня город превратился в груды развалин, засыпанных пеплом...

Нашелся-таки поп-предатель, написавший на Гермогена донос и назвавший патриарха виновником восстания. Власти получили повод расправиться с негодным патриархом. Его согнали с патриаршего двора, сорвав с него святительские одежды и надев простое монашеское платье, отвезли на монастырское подворье в Китай-город и там держали его под стражей. Но патриарх и здесь оставался верен себе. Он не устал посылать проклятия изменникам и благословлять тех, кто встал на «очищение Москвы» от иноземцев.

Непокорного старца заключили в подземную тюрьму в Чудов монастырь. Здесь он и принял мученическую смерть. В народе жило предание, что перед смертью Гермоген в глубоком подземелье сеял овес: ему выдавали на неделю сноп овса. Поливал он его водой из кувшина, которую ему спускали для утоления жажды. Когда узнали о смерти патриарха и открыли подземелье, увидели его стоящим на коленях среди зеленеющего овса.